

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Н. К. БОНЕЦКАЯ. В ПОИСКАХ НЕВЕДОМОГО БОГА.
МЕРЕЖКОВСКИЙ-МЫСЛИТЕЛЬ.
М.; СПБ.: ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ, 2017. 400 С.**

*Татьяна Станиславовна Алексанова,
Людмила Кареновна Аракелян*

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Школа философии факультета гуманитарных наук,
образовательная программа «Философия», 4-й курс.
E-mail: milaeconomy@gmail.com; t.alex.soul@gmail.com

Книга, посвященная одному из основных персонажей Серебряного века и принадлежащая перу Натальи Константиновны Бонецкой, вышла в 2017 г. и дополнила серию работ исследовательницы, посвященных представителям ренессанса русской культуры. В частности, в 2016 г. Н. К. Бонецкая опубликовала монографию «Дух Серебряного века (феноменология эпохи)», в которой анализировала идеи основных представителей данного периода — Льва Шестова, Андрея Белого, Вячеслава Иванова, Зинаиды Гиппиус, Александра Блока, Павла Флоренского, Николая Бердяева. Также Бонецкая явилась автором блестящих монографий о Михаиле Бахтине («Бахтин глазами метафизика», 2016), Аделаиде Герцык («Русская Сивилла и ее современники», 2006), Павле Флоренском («Русский Фауст XX века», 2015).

Стоит отметить, что в своих сочинениях Бонецкая раскрывает с разных сторон идеи представителей Серебряного века, уделяя внимание как их философскому, так и литературному наследию. Однако в рецензируемой работе она все же делает акцент на философии Дмитрия Мережковского. Ее интересует то, как этот «писатель не для всех» оказывается *религиозным мыслителем*. Исследовательница перечисляет множество заслуг Дмитрия Мережковского. Так, в нем она видит зачинателя отечественной философской антропологии, страстного революционера в области интерпретации Нового Завета, первого представителя русской герменевтики. Автор даже сравнивает Мережковского с Кантом, говоря, что русский автор первым проблематизировал опыт великих деятелей искусства, названных им «вечными спутниками», так же как Кант — опыт наиболее известных естествоиспытателей. Как нам кажется, отсутствие в книге ссылок на поэтическую сторону творчества Мережковского — некоторое упущение: поэзия порой даже более внятно, чем философские труды, отражает занимавшие его идеи. Не зря Валерий Брю-

сов говорил: «Поэзия Мережковского не импровизация, а развитие в стихах определенных идей, и ряд сборников его стихов кажутся стройными вехами пройденного им пути» (Брюсов, 2001: 301).

Бонецкая отмечает, что Дмитрий Мережковский фактически занимался сакрализацией русской литературы XIX в., «обнаружив в художественных текстах религиозные откровения, предназначенные для современности».

Книга стоит из пяти разделов. В каждом Мережковский показан как глубокий мыслитель, носитель особого знания. Первый раздел озаглавлен «Д. С. Мережковский: Герменевтика и экзегетика». Сразу обратим внимание, что весь текст был опубликован ранее в уже упомянутой книге Бонецкой «Дух Серебряного века», где Мережковскому отведено особое место, что, возможно, послужило предвестием появления самостоятельного исследования. «Кто он — Мережковский?» — задает вопрос Бонецкая вслед за Андреем Белым. И это неслучайно: как кажется автору, понять Мережковского удалось лишь Белому, написавшему: «Лирика Мережковского — не лирика только, критика — вовсе не критика, романы — не романы» (Белый, 2001: 257). Он не побоялся разглядеть в Мережковском нечто гораздо большее, чем просто поэта или литературного критика. Как известно, еще в юности мыслитель был представлен Достоевскому, однако его стихотворения получили отнюдь не ту оценку, на которую рассчитывал его отец. Но это не разочаровало будущего поэта, писателя и философа. Отвечая на вопрос: «Кто он — Мережковский?», Бонецкая определяет его как искусного герменевта, который, вместо того чтобы заниматься пропагандой своих идеологием, чаще уходил в чужие размышления, в чужие судьбы. Делалось это, с точки зрения исследовательницы, для того чтобы раздвинуть границы современного стиля литературы и мышления (декаданса), отыскать в произведениях отечественных авторов национальное начало. Вот почему Мережковский без капли иронии провозглашает русских художников не кем иным, как пророками.

Второй раздел книги посвящен детищу семьи Мережковских, их кружку, в котором Бонецкая видит «профеномен, первоявление <...> эпохи». Мережковский и Гиппиус следовали за мистическим откровением Владимира Соловьева, искали разные пути толкования чуда, тем самым определяли характер будущей эпохи. Дмитрий Мережковский, создавая свою собственную частную религию, стремился соединить христианство с античными языческими мистериями. С одной стороны, он находился под влиянием Фридриха Ницше, призывавшего к переоценке ценностей, видевшего в христианстве религию рабов; с другой стороны, Мережковский не мог не последовать за Соловьевым, рыцарем Софии, христианским гуманистом и универсалистом.

Мережковский, таким образом, представлен Бонецкой как носитель обеих «религий», как мыслитель, охватывающий собой оба явления. Неудивительно, что «семейная секта» воспринимается исследовательницей как естественно возникший феномен Серебряного века, как фактическое воплощение соловьевской идеи Вселенской церкви. Бонецкая отмечает, что в начале XX столетия формировалась концепция нового религиозного сознания, что давало философам свободу для различных интерпретаций. Так, восприятие Писания в тот период претерпевало ощутимые изменения: чтение Евангелия происходило под углом зрения, который определялся выбранными современниками ориентирами. «Наша Церковь», а именно так называлось религиозное объединение под эгидой Мережковских, воспринималась создателями как грядущая Церковь: в сектантских мотивах Дмитрий Сергеевич видел надежду на церковное обновление. Отличительной особенностью секты была ее «женскость». Это отмечал богослов Антон Карташев, некогда состоявший в близких отношениях с четой Мережковских. Интересен и взгляд Бонецкой на брак Мережковского и Гиппиус. Этот «странный» брак автор также рассматривает через призму Серебряного века. Бонецкая пишет: «Брак Мережковских был некоей игрой — как бы сценическим действием, рассчитанным на зрителей, — действием, переросшим в сакральное (псевдосакральное?) действие — богослужебный чин “Нашей Церкви”». Мы полагаем, что рассмотрение союза двух великих людей исключительно как театрального представления было бы несколько несправедливым, так как мы не можем с точностью обнаружить, что было причиной, а что следствием: то ли создание Новой Церкви было следствием их ярких отношений, то ли эти отношения возникли уже как наглядная демонстрация философских идей. В любом случае Бонецкая сумела показать, как личная жизнь Мережковских отражала философские и религиозные взгляды русского философа.

В третьем разделе более конкретно рассмотрена герменевтика позднего Мережковского, его философия религии и проект формирования нового религиозного сознания. Вообще значительная часть книги посвящена позднему творчеству Мережковского, а именно трилогии «Тайна трех», где отдельно стоит «Иисус Неизвестный» — роман, как определяет жанр этой работы Бонецкая, об Иисусе как человеке. «Иисусу Неизвестному» предшествуют «Тайна трех: Египет и Вавилон» и «Атлантида — Европа». Здесь Мережковский предстает перед читателем не только как герменевт, но и как экзегет. Бонецкая выделяет специфику позднего Мережковского: это прежде всего протестантское толкование Священного Писания, а именно прочтение текста вне рамок богословской традиции. Такой метод в большей степени характерен для «Иисуса Неизвестного». В нем, как и в первых двух произведе-

дениях трилогии, отмечает исследовательница, Мережковский продолжает ранее обозначенную линию — обьязычивания христианства и христианизации язычества. То, как Мережковский переплетает религии древних богов с христианством, Бонецкая демонстрирует на примере «Атлантиды-Европы», где философ не только сопоставляет Христа и Диониса, но и называет последнего и других языческих богов (Адонис, Аттис, а также восточный Таммуз) тенями Иисуса. «Тайну трех: Египет и Вавилон» Бонецкая в своей книге практически не освещает, концентрируясь на философско-религиозных идеях «Атлантиды-Европы». Анализируя данную работу, исследовательница выявляет некоторые особенности герменевтики Мережковского «на пути ко Христу Неизвестному».

Главным проектом Мережковского становится поиск перворелигии, то есть христианства до христианства. Герменевт, например, сопоставляет омофагии диких вакханок с евхаристией, придавая значение языческим смыслам, что критикуется Бонецкой, которая стоит на позиции традиционного христианства. Кроме сравнения христианских таинств и языческих мистерий Бонецкая выделяет и такие основы «перворелигии» Мережковского, как учение о воскресении плоти и религиозное оправдание пола, а также указывает на важность понятия страдающего Бога и особого понимания Троицы. Мережковский, однако, не только предлагает новое «прочтение» христианства и язычества, но и видит в их взаимопроникновении путь спасения. Бонецкая подчеркивает апокалиптическое настроение Мережковского, который, предчувствуя в момент написания трилогии Вторую мировую войну, видит в новом религиозном сознании путь спасения — путь, на котором происходит встреча с Неизвестным. Необходимо отметить и то, что Бонецкая никогда не остается в рамках изучаемого первоисточника: исследовательница часто сравнивает Мережковского и антропософа Р. Штейнера. Более того, она предлагает рассматривать работу последнего «Христианство как мистический факт и мистерии древности» (1902) в качестве труда, который повлиял на концепцию перворелигии Мережковского.

Подробно же об «Иисусе Неизвестном» Бонецкая говорит в разделе «Евангелие от Мережковского». Эта работа, как показывает исследовательница, по-настоящему особенна: она не только отличается от других произведений мыслителя, но и оказывается первым в русской философии опытом экзистенциализма, хотя и «неотрефлексированным». Бонецкая в очередной раз (в русской герменевтике Мережковский также был пионером) показывает новаторство Мережковского, что становится главным достоинством монографии. Философ в духе протестантской экзегезы, как уже было отмечено, предлагает новый подход к чтению Евангелия. Экзегета интересуется прежде

всего фигура самого Иисуса: автор трилогии призывает увидеть человека в Боге, услышать его живую речь за мертвыми буквами текста, пережить евангельское событие так, как свидетели события. Именно поэтому большое значение для Мережковского приобретают аграфы: слово Евангелия должно быть озвучено, ведь Христос к верующему обращается словесно. Звучащее слово прямо вовлечено в событие, и, услышав все многоголосие Евангелия, «я» также включается в ситуацию, переживая то же, что и свидетели, что и Сам Иисус. Как отмечает исследовательница, Мережковский создает философию аграфа, согласно которой Христос постоянно взывает к каждому из нас; нам же должно, услышав Его голос, проникнуть своим «я» в «я» свидетеля и разделить жизнь Христа.

Другим важным понятием для экзегезы Мережковского становится апокриф. Бонецкая отмечает, что философ возвращает ему изначальный смысл как текста тайного. Так, для герменевта Евангелие становится «утаенным», «неизвестным»; тайна же чаще всего связана с субъективностью восприятия, а это значит: сколько читателей, столько и апокрифов. Мережковский использует понятие апокрифа и в привычном понимании. Бонецкая указывает на использование философом отрывка из гностического произведения IV в. «Пистис София», который, согласно Мережковскому, подтверждает андрогинную человеческую природу Христа. Экзегет также ссылается на такие апокрифы, как «Евангелие от Эбионитов» и «Евангелие от Евреев», привлекая их для освещения тайны Господня Крещения. Особая интерпретация Мережковским этого события подчеркивается Бонецкой множество раз. Так, согласно философу, в момент крещения Иисуса на Иордане человек стал Богочеловеком — благодаря схождению Святого Духа. Бонецкая особо выделяет миф Мережковского о рождении Христа, согласно которому в момент крещения в Иисусе пробуждается мессианское самосознание. Исследовательница показывает, как, используя различные раннехристианские тексты, философ создает свой собственный апокриф.

Автор рецензируемой книги также обращает наше внимание на эстетику символизма, согласно которой художественные образы являют собой реальнейшее. Художник тогда становится пророком, тайновидцем, в чем и заключается «стержень герменевтики Мережковского». Кроме этого, исследовательница указывает и на особый стиль книги об Иисусе Неизвестном — его романную кинематографичность. Бонецкая определяет жанр данной работы: это исторический роман, главным героем которого является Иисус. Мережковский независимо от Бахтина, как показывает исследовательница, чувствовал пространство и время евангельского События, что Бонецкая называет евангельским хронотопом. Особо важны для герменевта горы, на ко-

торых происходили важные евангельские сюжеты (гора над Копернаумом, Ермон), также особую роль играет Генисаретское озеро, земля вокруг которого, согласно Мережковскому, посвящена богу Киниру-Адонису — здесь Бонецкая вновь указывает на взаимопроникновение духа раннего христианства и языческих мистерий в экзегезе Мережковского.

Сам же Иисус для Мережковского — Чудо, смысл которого, объясняет исследовательница, в победе над смертью. Экзегет стремится показать нам неизвестное лицо Иисуса, которое имеет две природы. С одной стороны, Христос — «как все», с другой же — «как никто». Иисус подобен человеку во всем, поэтому в Его Лице узнаются все человеческие лица. В этом смысле, отмечает Бонецкая, экзистенциальная встреча с Иисусом — встреча с самим собой. Мы, однако, не во всем подобны Христу: восприняв идею Ницше о сверхчеловеке, Мережковский видит в Иисусе человека на высокой ступени эволюции, который призван «метафизически опрокинуть и перевернуть мир, обратив его в Царство Божие». Бонецкая видит в Мережковском основоположника философской антропологии Серебряного века, поскольку его занимает не только Сверхличность Иисуса, но и встреча с Ним «лицом к лицу», субъективное переживание события, которое ранее пережил Христос.

Как уже отмечалось ранее, Бонецкая выходит далеко за рамки одних лишь текстов Мережковского, которые анализирует в духе его же герменевтики. В последнем разделе «Мережковский и другие» исследовательница обращается к критическим отзывам о Мережковском его современников, чтобы не только написать его многосторонний портрет, но и охарактеризовать дух эпохи, в которую творил главный герой книги Бонецкой. Так, исследовательница приводит различные, даже противоположные мнения о Мережковском. На их примере она показывает разницу между двумя типами русской герменевтики: это метод Мережковского (герменевтика *par excellence*) и философская критика (герменевтика второго порядка). Последний тип Бонецкая и демонстрирует на примере критических очерков о работах Мережковского. Интерпретация А. Белого являет собой пример зеркальной герменевтики, поскольку он видел в работах Мережковского отражение собственных идей. Бердяев, наоборот, резко противопоставлял себя Мережковскому — Бонецкая называет такую критику герменевтикой от противного. Интересным примером является и В. Розанов, который, по мнению исследовательницы, уже в 1903 г., читая «Петра и Алексея», увидел будущий экзегетический проект «Иисуса Неизвестного». Розанов видел в Мережковском человека, открывшего будущую Россию, которая объединит эллинизм и христианство.

Помимо философских отзывов, Бонецкая в своей книге рассматривает также и критику со стороны Церкви. Так, исследовательница отмечает наблюдения иеромонаха Кассиана Безобразова: отзываясь довольно терпимо об «Иисусе Неизвестном», будущий епископ все же критикует неприемлемые для христианства языческие тенденции Мережковского. Большой интерес у Бонецкой вызывает отзыв Мирры Лот-Бородиной, мыслителя с отличными знаниями в области восточной и западной патристики. В своих заметках о книге «Иисус Неизвестный» Лот-Бородина подчеркивает противоречивый характер суждений Мережковского, которые одновременно и притягивают, и отталкивают христианское сознание. Такая антиномичность, однако, вызывала различную реакцию не только в среде христианских мыслителей. Исследовательница приводит полярные мнения современников о Мережковском, чтобы яснее продемонстрировать «двоение мыслей» герменевта, вызывающее такую же «двойную» реакцию.

В приложении «Мережковский и пути постнищевского христианства» Бонецкая проводит сравнительный анализ рецепции Ницше у таких философов, как Шестов, Белый, Флоренский, Бердяев и Вяч. Иванов. Этот раздел включен в книгу неслучайно: ницшеанские мотивы — еще одна особенность философской мысли Серебряного века. Идеи Ницше, невзирая на популярность среди философов той эпохи, в русской традиции приживались видоизмененными. Как показывает Бонецкая, Ницше читался «наоборот»: философы перенимали и адаптировали его идеи, создавая тем самым русскую версию немецкого мыслителя. В этом завершающем книгу фрагменте Бонецкая не задается целью рассмотреть адаптацию идей Ницше только в философии Мережковского. Наоборот, Мережковский здесь — один из многих мыслителей Серебряного века, внесший вклад в «русификацию» Ницше.

Мережковский для Бонецкой является не только первым русским герменевтом, который начал развивать экзистенциализм и философскую антропологию на русской почве. Исследовательница видит в Мережковском открывателя нового душевного типа — человека, «чье сознание раздваивается в колебаниях между старым и новым». Именно такое «двоение мыслей» и делает Мережковского трудным для восприятия, ведь он вызывает противоречивые мнения. Тем не менее, как показывает Бонецкая, в этом и заключается специфика его философствования: создавая «кинематографический роман» о Христе, Мережковский все же занимается библейской экзегезой, выходя далеко за рамки традиционной протестантской герменевтики.

Литература

- Белый А.* (2001). Мережковский // Мережковский Д. С.: Pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А. Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001.
- Брюсов В. Я.* Д. С. Мережковский как поэт // Мережковский Д. С.: Pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. А. Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001.

References

- Belyj A.* (2001). Merezhkovskij // Merezhkovskij D. S.: pro et contra / Sost., vstup. st., komment., bibliogr. A. N. Nikoljukina. SPb.: RHGI, 2001.
- Bryusov V. Ya.* D. S. Merezhkovskij kak poeht // Merezhkovskij D. S.: pro et contra / Sost., vstup. st., komment., bibliogr. A. N. Nikoljukina. SPb.: RHGI, 2001.